

Игнатій, диакон. Житіе святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинограда и нового Рима, списанное Игнатіем, диаконом и скевофилаксом святейшей великой церкви святой Софії / Пер. И. Д. Андреева; под ред. М. Д. Муретова // Богословский вестник 1900. Т. 1. № 1. С. 49–64 (2-я пагин.).

49

Царь. Да, исповѣдую.

Патріархъ. Христось, содѣлавшись человѣкомъ, не пребылъ-ли совершеннымъ человѣкомъ и совершеннымъ Богомъ такъ, что ни собственной природы не умалилъ, ни ту, которую воспринялъ, не претворилъ въ божественную природу?

Царь. Да.

Патріархъ. Не признаешь-ли ты также, что мы иногда не раздѣляли Христа какъ Бога и какъ человѣка, но говоримъ, что онъ едиць есть и Богъ и человѣкъ, страстенъ и безстрастенъ, первое—какъ Богъ, а второе—Онъ же и какъ человѣкъ? Не есть-ли Онъ, какъ Богъ, невидимъ, не осязаемъ и (только) умопостижаемъ, а какъ человѣкъ, видимъ, осязаемъ и представимъ? И такъ, неужели изображаемаго мы не признаемъ за истиннаго Бога? Вѣдь и по воплощеніи Христось пребываетъ истиннымъ Богомъ. Но мы изображаемъ Христа не посколькѣ Онъ Богъ и не постолькѣ воздвигаемъ Ему иконы; но постолькѣ употребляемъ иконы, посколькѣ Онъ былъ человѣкомъ и явился на землѣ. И видимое и описуемое мы не приравниваемъ къ невидимому и неопикуемому, дабы не погрѣшить намъ относительно спасенія, равно какъ безразсудно не дерзаемъ унижать Его, изображая неосязуемое (естество) Его, невидимое и неопикуемое чертами осязуемыми, опикуемыми и видимыми. Напротивъ мы хорошо знаемъ, что въ единомъ Христѣ пребываетъ и видимое и невидимое, опикуемое и неопикуемое нераздѣльно и неслиянно въ свойствахъ естествъ, изъ коихъ состоитъ, и научены преданіемъ каждому воздавать подобающее. На это указываютъ и способъ писанія иконъ, ибо изображаютъ или лежащаго въ ясляхъ, или кормимаго Матерію Богородицею, или бесѣдующаго съ учениками, или пред-

стоящаго предъ Пилатомъ, или висѣщаго на дровѣхъ, или другое что подобное, что говоритъ о пришествіи Его на землю. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, что касалось бы Его, какъ Бога, а не какъ только человѣка. Если бы Онъ не сталъ человѣкомъ и не приять на землѣ добровольно образа и вида человѣка, то все это не изображалось бы и не допускалось бы въ отношеніи къ Нему. Если Слово стало плотію, явилось на землѣ и было видимо людьми, какъ человѣкъ, превѣчно сущій безплотный и безтѣлесный Богъ, то, мнѣ кажется, мы не погрѣшаемъ, желая изображать то, что мы видѣли.

53. *Царь*. Но что ты скажешь объ изображеніяхъ ангеловъ? Думаю, что ты не станешь утверждать, что живописцы знаютъ внѣшній образъ ангеловъ и изображаютъ ихъ по ихъ доступному зрѣнію виду?

Патріархъ. Я не стану утверждать, что они знаютъ видъ и образъ ангеловъ и пишутъ ихъ потому, что видѣли, но они усвояютъ имъ образъ человѣческой, руководясь, думаю, Писаніемъ.

Царь. На какомъ основаніи ты говоришь это?

Патріархъ. Развѣ ты не знаешь, какъ Писаніе говоритъ объ ангелахъ, явившихся Аврааму у дуба, и о томъ, какъ Авраамъ, возведши очи, увидѣлъ трехъ мужей? Не провожалъ-ли онъ ангеловъ, явившихся въ видѣ мужей, къ Содому? Такимъ образомъ, они (живописцы) не измышляютъ сами и картины ихъ не плодъ неразумной дерзости; но какими ангелы являлись, такими они и изображаютъ ихъ на иконахъ.

Царь. Но откуда явилось у нихъ прибавленіе крыльевъ?

Патріархъ. Думаю, что этимъ прибавленіемъ указывается различіе ихъ отъ людей, чтобы они не почитались совершенно за людей. Изображая ихъ съ

крыльями, (живописцы), мнѣ кажется, руководятся въ отношеніи къ этому прибавленію не неразумнымъ основаніемъ, а указываютъ на ихъ способность носиться въ воздухѣ и пребываніе ихъ на небѣ съ Богомъ, а также на то, что они съ готовностію нисходятъ оттуда ради насъ и ради насъ туда восходятъ. Притомъ они не безъ основанія воспользовались примѣромъ Моисея, поставившаго окрыленныхъ херувимовъ (которые суть ангелы, ибо всѣ небесныя и умныя силы Діонисій называетъ ангелами). И опять, государь, нужно припомнить сказанное раньше и твердо хранить въ душѣ, что если мы и пишемъ иконы ангеловъ, то изображенія ихъ для насъ также остаются твореніемъ, и приступаемъ мы къ нимъ, не какъ къ причастникамъ высшей и первой сущности (да не будетъ, чтобы мы безумствовали такъ и тварь принимали за Бога), но какъ къ сорабамъ, богатствомъ своихъ добродѣтелей стяжавшихъ великую близость къ общему Владыкѣ“.

54. Царь, удрученный своей неспособностію возражать, промолвилъ едва слышно: „но мыслящіе иначе приводятъ еще множество отеческихъ изреченій, которыя не уклонитесь обсудить предъ нами и предъ ними“. Божественный отецъ отвѣчалъ: „мы уже говорили и еще скажемъ, что готовы съ помощію Божіею обсудить мѣста Писанія и отеческія предъ вашимъ величествомъ; но мы не пойдемъ на собесѣдованіе съ тѣми, которые удалили себя отъ церкви и навлекли на себя анаѣму, и не желаемъ уничтожать или устранять что-либо изъ соборныхъ опредѣленій и постановленій. Если же яено узнать желаешь, что не только издавна такъ мыслимъ и теперь рѣшаемся говорить не за себя однихъ, но великое множество небезызвѣстныхъ епископовъ и монашеству-

ющихъ вмѣстѣ съ ними твердо ступаютъ по правому пути этого исповѣданія, то вотъ они стоятъ у воротъ вашего дворца. Если прикажете имъ явиться, узнаете и отъ нихъ, что касательно образа мыслей у насъ съ ними нѣтъ разногласія“.

55. Далъ знакъ имъ войти; съ ними повелѣваетъ войти самымъ высшимъ изъ лицъ правительственныхъ по установленному порядку съ мечами у бедръ, думая, жалкій, устрашить воинскою рукою неустрашимыхъ. Итакъ, входитъ священное церковное собраніе въ палаты, блиставшія золотыми потолками, хвалясь своею трудно поддающеюся описанію смѣлостію и какъ бы божественною ревностію побуждаемое къ свободѣ рѣчи. И когда въ виду сидѣвшаго тирана они приближались, увидѣли архипастыря, громко спорившаго и силлогизмами побивавшаго царя, какъ ребенка. Отсюда они возымѣли твердую рѣшимость говорить и освободились отъ всякой робости.

56. Гнѣвно взглянувъ на нихъ, львоподобный сказалъ: „ни отъ васъ, какъ видите, и ни отъ кого не сокрыто, что мы поставлены Богомъ быть посредникомъ въ отношеніи къ сему славному словесному стаду, готовые съ полною охотою и усердіемъ устранять и уничтожать выростающія въ ней тернія. Такъ какъ и теперь еще нѣкоторые спорятъ относительно существованія и почитанія иконъ, приводя говорящія противъ нихъ мѣста изъ Писанія, то совершенно необходимо разъяснить ихъ, чтобы было приведено къ концу то, чего мы добиваемся (а добиваемся мы единомыслія всѣхъ въ мирѣ). Поэтому всѣмъ недоумѣвающимъ и дѣлающимъ возраженія необходимо предложить изслѣдованіе; объ этомъ мы уже говорили и съ архіереемъ и теперь въ общемъ собраніи съ нимъ повелѣваемъ вамъ немедленно

дать рѣшеніе обсуждаемаго вопроса, чтобы медлительность молчанія не была поставлена вамъ въ вину и не причинила бы вамъ бѣды за ваше неслушаніе“. Тогда сотрудники и сопастыри доблестнаго архипастыря, извлеки противъ звѣронравнаго и съ волчьими мыслями Льва колчанъ божественныхъ реченій и истративъ каждый по очереди находившіяся въ немъ стрѣлы обличеній, все тѣло превратили ему въ рану. И чтобы намъ не входить въ подробности сказаннаго тогда каждымъ, изложимъ общее содержаніе всѣхъ рѣчей въ одной нижеслѣдующей рѣчи.

57. „Что, государь, несповѣдимыми судьбами вы поставлены быть посредникомъ въ отношеніи къ великому стаду Христову, это, какъ ты сказалъ, и намъ и всѣмъ извѣстно. Но что вѣсы посредничества съ самаго начала вами наклонялись лишь въ одну сторону, это тоже не менѣе извѣстно всѣмъ, могущимъ судить здраво. Вѣдь посредникъ не тотъ, кто влечетъ туда или сюда и предоставляетъ свое вліяніе тому или другому, а тотъ, кто радѣетъ одинаково объ интересахъ каждаго. Посему, если ты желаешь быть посредникомъ и уничтожить появившіяся въ Церкви соблазны, то почему не выказываешь одинаковаго благорасположенія ко всѣмъ? Всякій желающій видитъ сторонниковъ праваго ученія подвергающимся угрозамъ и претерпѣвающимъ бѣдствія наравнѣ съ злодѣями, а мыслящихъ иначе пользующимися вашею любовью и услаждающихся всякими о нихъ попеченіями. Развѣ не они водворены въ золотыхъ палатахъ, а насъ заключаютъ въ тѣсныхъ тюрьмахъ? Развѣ не имъ щедро предлагается царская пища, а насъ угнетаетъ голодъ и наполняетъ пресыщеніе нуждою? Не имъ-ли всѣ книги

представлены для изслѣдованія, и не угрожаетъ-ли судъ тѣмъ, которые доставляютъ ихъ намъ? Гдѣже хоть искра посредничества во всемъ этомъ? Развѣ такимъ образомъ можетъ быть водворено безпристрастное равенство правъ? Развѣ твердость ума безпристрастно распоряжается здѣсь и удерживаетъ совѣсть отъ склоненія въ одну сторону? Видя все это и зная, куда всецѣло направлено ваше расположеніе,—а также то, что уже съ первой встрѣчи мы присуждены къ изгнанію, мы рѣшились почитать святость католической церкви молчаніемъ, дабы не замараться грязью богохульства и не осквернить себя ученіемъ, неудержимо безчинствующимъ противъ домостроительства Христова. Кто, обладая здравымъ смысломъ, послѣдуетъ за вами въ этой вселенской смутѣ? Отъ восхода солнца до Гадеса и Пракловыхъ столбовъ чтутся священные иконы, существованіе коихъ порождено не вчерашнимъ вымысломъ, а пришествіемъ Христа къ людямъ. И мы научены, что на этомъ основаніи строили пророки, апостолы и учителя, признаемъ, что цари должны повиноваться и пещись о томъ, что рѣшено ими, но мы совсѣмъ не знаемъ, что бы они (цари) могли законодательствовать и утверждать въ Церкви подложныя опредѣленія. Что это истинно, судъ объ этомъ предоставляемъ совѣсти слушателей. На страшномъ и неліцепріятномъ судѣ истина увѣнчаетъ своихъ друзей, а противниковъ благочестивыхъ догматовъ отвергнетъ и отгонитъ въ поношеніе лжи“.

58. Этимъ и многимъ другимъ доведенный до оцѣпенѣнія мысли и какъ бы лишенный слуха отъ голоса сихъ дивныхъ мужей, воображивъ, что они нанесли ему непростительное оскорбленіе, онъ какъ сочиненіемъ сей явной клеветы, такъ и трусливымъ.

бѣгствомъ отъ собственнаго слова признать такимъ образомъ полное свое поражение: ибо не могъ онъ оказать себѣ помощи своимъ словомъ и смѣло противостать имъ для опроверженія ихъ словъ. И это естественно, ибо нахальство, завладѣвъ властію хотя и на короткое время, дѣлаетъ овладѣвшаго совершенно безумнымъ и лишеннымъ способности разсуждать. Въстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ себя легко побѣдимымъ въ словесномъ состязаніи, ибо зналъ, что истина непреборима и не побѣдима. Посему, сочинивъ какой-то къ дѣлу не относящійся вздоръ для устрашенія этихъ ревнителей, безсильный отклонить свое поражение, съ угрозами изгналъ онъ ихъ изъ дворца вмѣстѣ съ ихъ тайноводителемъ. Такова склонность сего мужа ко злу! таково его отпаденіе отъ добра! Съ этого времени онъ надѣваетъ противъ церкви, какъ говоритъ пословица, лвиную шкуру и явно окружаетъ себя ея врагами. А добровольныхъ борцовъ за нее онъ немедленно же отправляетъ въ ссылку, раздѣливъ ихъ другъ отъ друга и далеко отогнавъ отъ двора церковнаго. Надѣялся онъ при первомъ же нападеніи уловить въ сѣти ереси и самого архіерея, въ случаѣ же неудачи—заставить его добровольно отречься отъ священства, такъ какъ у него не было сотрудниковъ изъ священнаго чина. Такъ одинъ, неся тяготы времени, взпиралъ онъ на вышнюю помощь и въ молитвахъ усиленно призывалъ ее къ себѣ одиночеству и лишенному помощниковъ.

59. Видя мужа отрекающимся отъ истинной вѣры, и оказывающимъ непослушаніе уже самому Богу, пишетъ онъ (Никифоръ) супругѣ его, напоминая о правой религіи и вѣрѣ христіанской, чтобы она убѣждала царя и супруга воздержаться отъ такого страш-

паго дѣла. Писалъ онъ также къ тогдашнему распорядителю общественныхъ имуществъ, любимому царемъ за его откровенность и умъ, чтобы не умышлялъ противъ церкви, умирной и успокоенной, и не возбуждалъ волненія, напротивъ—погашалъ бы пламя, зажженное въ ней людьми, достойными вѣчнаго огня, и укрощалъ бы свирѣпость царя. Писалъ онъ и къ тогдашнему первому секретарю царскому Евтихіану, который помогалъ еретикамъ и извращалъ изреченія православной вѣры, что если онъ не перестанетъ искривлять прямые пути Господни и предпочтетъ идти съ волхвомъ Элимою (Дѣян. XIII, 8—11), то отъ Верховнаго Правосудія понесетъ наказаніе посредствомъ ужасныхъ бѣдъ его (дальнѣйшей) жизни. И такъ какъ онъ не хотѣлъ внять этимъ угрозамъ, то онѣ и исполнились на немъ. ибо несчастный съ этого времени въ остальную жизнь, поражаемый непрерывными скорбями, полуживымъ постоянно стоялъ у дверей смерти. Такъ Богъ врачуетъ тѣхъ, которые причиняютъ церкви трудно излѣчимую болѣзнь.

60. Не исправившись отъ этихъ многополезныхъ и мудрыхъ наставленій учителя, царь устремлялъ свою мысль только къ тому, чтобы изгнать и его и соткать невѣстѣ Христовой (церкви) одежду вдовства. Такъ обязанность проповѣданія въ церкви и попеченія о священныхъ сосудахъ онъ поручилъ нѣкому патрицію, устранивъ отъ всякихъ заботъ о семъ архіерея, и не пропускалъ до пословицъ двинуть ни одного камня, чтобы потрясти основаніе церкви. О, какъ слово, не находя, гдѣ пройти къ послѣдующему, желаетъ возлечь на одръ молчанія и прежде, чѣмъ повѣствовать о болѣзни блаженнаго, само оказывается нуждающимся въ лѣченіи! И такъ, онъ возлежалъ, удрученный приступомъ какого-то недуга въ тѣлѣ и

боролся съ трудно излѣчимою болѣзнію. Но ничто такъ не мучило праведника, какъ заговоръ противъ церкви, задуманный врагами: ту борьбу онъ выдерживалъ одинъ, а эта угрожала всей церкви.

61. Между тѣмъ синедріонъ, собравшійся противъ церкви, надмевался и, утучняемый постоянно жиромъ лжи, искалъ обнаруженія. Посему они опять склоняютъ царя, носимаго всякимъ вѣтромъ зловѣрія, поскорѣе пригласить учителя на диспутъ. Царь посылаетъ Теофана, брата царицы, царскаго оруженосца. чтобы онъ привелъ архіерея на то преступное собрание заговорщиковъ. (Патріархъ), ссылаясь въ оправданіе свое на то же, что было изложено раньше, явиться на диспутъ съ безбожниками отказался. „Пастырь, сказалъ онъ, лишенный овецъ, не вооружается на волковъ и не спѣшитъ сражаться со звѣрями, заботясь только о своемъ спасеніи, но загнавъ стадо въ безопасную ограду и отогнавъ далеко страхъ, если онъ есть, снаряжается на охоту противъ волковъ. Какимъ же образомъ, лишивъ меня моихъ овецъ и отогнавъ ихъ насильно съ истиннаго пастбища, зовете меня одного бороться съ вами, страшными звѣрями? Не подобаетъ это пастырскому званію. Но если вы желаете достигнуть успѣха вашихъ выдумокъ, ибо выдумки—все то, что выставляется вами противъ насъ, и не имѣетъ въ себѣ ничего истиннаго: то предоставьте свободу мнѣнія каждому, пусть каждый будетъ господиномъ своей воли, пусть откроются тюрьмы, пусть возвратятся томимые въ тяжелыхъ ссылкахъ, пусть откроются ваши подземелья и изъ нихъ выйдутъ мужи, изнуряемые голодомъ и терзаемые жаждою, ежедневно услаждающіеся, по словамъ псалмопѣвца, *нощію просвѣщеніемъ въ сладости ихъ* (Пс. 138, 11); пусть прекратятся бичеванія, поражающія

тѣла богомыслиющихъ. Если будетъ такъ, если какому вы предоставите свободу и насилію не дадите докончить его дѣла, тогда, по удаленіи явныхъ враговъ церкви, не имѣющихъ и слѣда священства, и слѣдовательно, не могущихъ обсуждать церковные вопросы, съ прочими,—если кто, чего да не будетъ, останется,—мы согласимся явиться на собесѣдованіе: ибо непосвященнымъ не подобаетъ составлять собранія для изслѣдованія священныхъ предметовъ. Пусть скажутъ сторонники давно уже осужденнаго на молчаніе и отвернутаго ученія Константина ¹⁾, кто возложилъ на нихъ священный санъ? Пусть покажутъ, силою какого священноначальственнаго рукоположенія, признаваемаго церковными законами, возведены они въ степень священнослужителей. Если церковный чинъ признаетъ ихъ недостойными, то кто имъ позволяетъ говорить въ храмахъ? Это да будетъ извѣстно пославшимъ васъ. И если они согласятся съ нашими словами, то мы назначимъ время и мѣсто, удобныя для диспута: время для сопосовѣданія и собесѣдованія, когда Богу угодно будетъ облегчить мою болѣзнь и если Богъ дастъ намъ остаться въ живыхъ; а мѣсто для божественнаго слова—славный храмъ, въ коемъ пребываетъ Богъ, мудро опредѣляющій и справедливо разъясняющій все, что касается православной вѣры“.

62. Когда вѣстникъ довелъ это до слуха пославшаго его, а послѣдній ничего не скрылъ отъ своихъ соумышленниковъ, то повергъ языкъ ихъ въ оцѣпенѣніе и поразилъ сердце ихъ скорбію, ибо (предложеніе патріарха) было невозможно и не осуществимо. Посему собравшись на совѣтъ, они предъ царемъ

¹⁾ Императора Константина Копронима.

изрыгали такія рѣчи противъ непоколебимой опоры церкви. „Не возможно, если согласиться съ этимъ предложеніемъ, чтобы то, что опредѣлено твоею властію и рѣшено настоящимъ соборомъ, имѣло удачный исходъ; ибо если будетъ дано время мнѣнію каждаго склониться, куда оно пожелаетъ, если осужденные въ ссылку будутъ возвращены и если каждый будетъ господиномъ своей свободы, безъ всякаго понужденія, то мы скоро останемся беззащитными и одинокими. За нимъ скоро добровольно послѣдуютъ всѣ, наше дѣло окажется въ безпомощномъ положеніи; и особенно его отказъ отъ диспута съ избранными приготовитъ для насъ полное пораженіе. Итакъ, довольно приглашеній. Вотъ уже третье увѣщаніе мы дѣлаемъ ему, а онъ, слушаясь своеволія, не является. Но, если угодно, пользуясь соборною властію, сообщимъ ему письменно то, что обычно сообщается упорствующимъ, чтобы онъ явился и оправдался въ томъ, въ чемъ обвиняетъ его соборъ.“ Итакъ, составляютъ жалкую и убогую грамоту къ вождю церкви, въ коей повелѣвалось ему предстать предъ нерукоположенными и оправдываться въ томъ, въ чемъ они пожелаютъ (обвинять его). Вручивъ эту грамоту нѣсколькимъ епископамъ и клирикамъ, не имѣвшимъ хиротоніи, посылаютъ ихъ къ свѣточу православія, присоединивъ къ нимъ толпу уличныхъ бродягъ, вполне достойную ихъ гнусности. Когда они остановились предъ воротами архіерейскаго дома, великому архіерею былъ сдѣланъ дерзкій докладъ объ ихъ прибытіи. Онъ же, удрученный однимъ видомъ зломыслящихъ (ибо таково свойство чистыхъ душъ—чувствовать омерзеніе ко всему, что чуждо истины), не имѣлъ расположенія выдти на бесѣду съ ними. Но насильственно понуждаемый патрищемъ, которому

ввѣрена была его охрана, не желавшимъ отослать ихъ назадъ ни съ чѣмъ, онъ спустя значительное время едва позволилъ имъ войти.

63. Вошедши, жалкіе не устыдились тяжести болѣзни, но съ обычною дерзостію, лицедѣйственно и трагически высказали ему то, что было начертано въ той ничтожной грамотѣ. „Соборъ, говорили они, принявъ жалобы на тебя, для ихъ разсмотрѣнія повелѣваетъ тебѣ явиться безъ всякаго отлагательства и дать ясный отвѣтъ. Посему, прежде чѣмъ упорство твоего отказа подвергнетъ тебя наказанію низложеніемъ, измѣни свое мнѣніе сообразно съ мнѣніемъ собора и царя, согласившись и мысля одинаково съ нами относительно отрицанія и устраненія иконъ, ибо только такимъ путемъ возможно избавиться отъ обвиненія, (возводимаго на тебя) жалобами. Если же ты будешь еще упорнѣе отрицаться и мыслить иначе, то подвергаешься обвиненію, которое можетъ быть устранено не инымъ путемъ, какъ только личною явкою и оправданіемъ въ томъ, въ чемъ тебя обвиняютъ“. Сказавъ это нескладно архипастырю, волки въ одеждѣ пастырей, шепотомъ передавая другъ другу какія то шутки (ибо не могли прямо взирать на тотъ чистѣйшій умъ и говорить съ нимъ открыто), молчаніемъ прикрывая позоръ своего стыда, стояли съ оглохшими ушами, сильно желая, хотя и были враждебно настроены, воспринять пріятный звукъ его рѣчи.

64. Онъ же, хотя и удрученный болѣзнію, предупреджая обвиненіе, сказалъ къ нимъ слѣдующее: „кто такой угрожаетъ намъ жалобами и принимаетъ противъ насъ обвиненія? Какой патріаршей кафедрѣ хвалится онъ быть предстоятелемъ? Водимый какими пастырскими заботами, подвергаетъ онъ насъ каноническимъ наказаніямъ? Если зоветъ меня свято пра-

вящій браздами стараго Рима, я явлюсь. Если обвиняетъ священноглашатай церкви Александрійской, предстану безъ сопротивленія. Если влечетъ меня на судъ священнопастырь церкви Антіохійской, не замедлю. Если приглашаетъ меня предстать для оправданія управляющій Іерусалимской церковію, не уклонюсь. Но если волки лютые, готовые напугать стадо, скрываются подъ шкурою овецъ и поносятъ пастыря, то кто согласится идти даже только посмотрѣть на тѣхъ, на которыхъ, по словамъ божественнаго апостола, уже возложено бремя суда (2 Петра, 2, 3)? Но если, согласно вашей болтовнѣ, мы приняли бы ученіе царя и ваше, то загладили-ли бы мы позоръ обвиненій противъ насъ? И какой чинъ будетъ назначенъ намъ, какъ подлежащимъ, по вашимъ словамъ, отвѣту и навлекшимъ на себя обвиненіе по канонамъ? Кто же можетъ въ одинъ и тотъ же день низводить и возводить на высоту не могущаго стоять даже внизу? Неужели вы считаете насъ непосвященными и неспособными къ изслѣдованію божественныхъ предметовъ? Развѣ не облеченные священствомъ должны судить о нихъ? Въ дѣйствительности же способно презирать и только попираетъ ихъ именно нечестіе, увлекающее повинующихся ему въ пропасть ада. Итакъ, отступите отъ насъ дѣлающіе беззаконіе, обратитесь на свою блевотину и возвратитесь въ свои вертепы разбойничьи. Не можете поборотъ вы опирающихся свой умъ на камень праваго исповѣданія, не низвергнете укрѣпившихся на высотѣ соборныхъ опредѣленій; но объ васъ самихъ будутъ разбиваться волны ереси, не причиняя наводненія церкви католической“.

65. Выказавъ это предъ людьми, лишенными смысла и исполненными безумія, блаженный присоеди-

нилъ еще слѣдующее: „еслибы даже престолъ нашъ остался безъ пастыря и попечителя, то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы никому проповѣдывать хорошо прикрытую ложь, или составлять незаконныя собранія и приходить изъ другой провинціи, чтобы отмѣнять здѣсь не подлежащія ему опредѣленія. Теперь же, когда она имѣетъ пастыря и не лишена защитника, что можетъ отвести отъ наказанія по канонамъ васъ, желающихъ на основаніи, украшенномъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, то есть апостольскими и отеческими реченіями, строить зловѣріе изъ дерева, соломы и тростника? Такъ что справедливо объявить васъ нарушителями божественныхъ канонѳвъ и безумствующими противъ ясныхъ и очевидныхъ законовъ и весьма благовременно связать вѣчными узами“. Потомъ, прочитавъ имъ канонъ и объявивъ приговоръ низложенія, приказалъ имъ выйти изъ божественной ограды. Они же, какъ гонимые бичемъ, одержимые скорбію и яростію, съ слѣдовавшими за ними негодьями и бродягами подвергли проклятіямъ какъ его, такъ и Тарасія, этихъ непоколебимыхъ столбовъ церкви. Такъ эти гнуснѣйшіе люди, безчинно пройдя по улицамъ и прибывъ ко дворцу съ ругательствами противъ святыхъ, горделиво рассказывали предъ царемъ и еретической толпой о томъ, что они слышали и что сдѣлали.

66. Когда они узнали о своемъ осужденіи на основаніи канонѳвъ и освѣдомились о непреклонности священной души его отъ своихъ лжевѣстниковъ, то ослабѣли въ своей дерзости и отказались отъ желанія бесѣдовать съ нимъ. Но обратившись на другой незаконный путь, они стали говорить о насильственномъ удаленіи святого или даже полагали избавиться отъ него посредствомъ тайнаго умервщвленія его. II

еслибы одинъ изъ прилежащихъ православнои вѣрѣ и соприсчисленныхъ къ клиру, освѣдомившись хорошо о замыслахъ противъ него, не раскрылъ послѣднихъ и не поспѣшилъ принять мѣры къ огражденію его безопасности. то быть можетъ вмѣстѣ съ повѣствовованіемъ о геронзмѣ его были бы начертаны на папирусь уже и теперъ рыданія о немъ. Когда же убійцы въ этомъ злодѣяніи потерпѣли неудачу, ибо верховная Божественная Сила хранила Своего служителя, то приложили стараніе къ удаленію его съ каеэды силою, угрожая предать злои смерти тѣхъ, которые помогали ему въ чемъ-либо для облегченія его болѣзни, и безъ всякой причины лишивъ его внѣшняго почета и узаконеннаго поминовенія во время богослуженія. Чудовище это (да не будетъ, чтобы мы стали называть его царемъ), іудействуя, угрожало веѣмъ, облеченнымъ въ священный санъ, что если кто открыто назоветъ его архіереемъ, то будетъ исключень изъ синагоги.

67. Такъ одинокій, положившись на одну уже только надежду и *распространенный въ скорби* Богомъ, какъ божественный Давидъ (Пс. IV², 2), не могъ переносить онъ только одного—видѣть стадо лишеннымъ архипастыря и сдѣлавшимся добычею волковъ. Что же надлежало, возлюбленные, ему дѣлать для вашего спасенія? Что совершать? Доколѣ же предстояло плыть среди множества опасностей такъ, чтобы не утонуть, не отступить предъ плохими обстоятельствами и еще худшею властію, и посторониться предъ обладавшими ею (властію) такъ, чтобы не впасть въ тотъ же самый грѣхъ, который они совершили противъ него самого? Ибо онъ заботился даже о тѣхъ, которые носили и преслѣдовали его, подражая въ этомъ своему учителю Христу. Но не таковы были тѣ, ко-

торые противъ старавшагося благодѣтельствовать имъ выказали всякія злоумышенія, ибо не пропускали случая измыслить противъ него что-нибудь пустое, угрожать смертію (и доходили въ своихъ умышленіяхъ) до того, чтобы извлечь его за врата церкви и единодушно убить, говоря, какъ въ притчѣ Господа, *приидите, убіемъ его, и удержимъ достояніе его.* (Мѡ. 21, 38). Посему своимъ неповрежденнымъ умомъ уподобляясь пророку, созерцая будущее и видя окаменѣвшее сердце ихъ готовымъ на пролитіе крови, написалъ онъ царю слѣдующее.

68. „Время требуетъ отъ нашего смиренія, когда мы впали въ такое обстояніе и тѣлесную немощь, доложить вашему правдолюбному величеству слѣдующее. Сколько было моихъ силъ, я доселѣ боролся за истину и благочестіе и, какъ думаю, ничего не упустилъ изъ того, что требовалось отъ меня саномъ, не лишая ни собесѣдованія требующихъ, ни наученія пріемлющихъ. Когда же за это я перенесъ всякаго рода оскорбленія, стѣсненія, бѣдствія, сѣзчестіе, заключеніе подъ стражу, лишеніе имущества и притѣсненіе лицъ, мнѣ служащихъ, то, наконецъ, нѣкоторые, считающіе себя епископами, дерзнули нанести намъ безчестіе и еще большее, чѣмъ перечисленныя выше, возбудивъ народъ и всякій сбродъ, вооруженный мечами и копьями, и направивъ его противъ насъ. И онъ (народъ) дерзко и безстыдно нанесъ намъ всякія оскорбленія, забывъ страхъ Божій, почтеніе ко мнѣ, какъ бывшему его архіерею, и мою крайнюю немощь, причемъ толпа вмѣстѣ со мною подвергала проклятіямъ и предшествовавшаго мнѣ архіерея, что впрочемъ было для насъ славою и величайшею похвалою. Послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій я услышалъ, что враги истины устраиваютъ противъ меня заговоръ, рѣшивъ или низло-